

А.С. КАН (Швеция)

ШВЕЦИЯ И НАЦИСТСКАЯ ГЕРМАНИЯ: МОРАЛЬ И ПОЛИТИКА (обзор новейшей шведской литературы)

В представленном обзоре речь пойдет о повороте в исторической науке Швеции – страны, не участвовавшей в мировых войнах и сохранявшей нейтралитет. В 1990-х годах в Швеции одна за другой стали появляться статьи, брошюры, книги о моральном аспекте шведской политики нейтралитета времен Второй мировой войны.

Не вдаваясь в подробности, поясним некоторые обстоятельства, вероятно, не знакомые российским коллегам, которые не входят в узкий круг нордистов. “Холодная война” и недоступность секретных внешнеполитических архивных материалов примерно до конца 1960-х годов препятствовали изучению шведской дипломатической истории военных лет¹. В самой Швеции оно началось, по сути, только после 1966 г. благодаря исследовательскому проекту “Швеция во время Второй мировой войны” (сокращенно – SUAV). Проект, объединивший преимущественно историков Стокгольмского университета и возглавлявшийся доцентом С. Экманом, финансировался шведским риксбанком и был осуществлен в виде выпуска двух десятков книг². В этих книгах – при всей личной свободе и ответственности авторов, получивших широкий доступ к дипломатическим и особенно к военным архивам Швеции и беседовавших с еще живыми и словоохотливыми политиками военного времени, – одобрялась не только шведская боевая готовность, но и внешняя политика военных лет. Авторы совершенно не касались ее морально-идеологической стороны³. Воплощением таких настроений стала книга ныне покойного шефа шведского внешнеполитического архива В.М.Карлгрена о внешней политике своей страны в годы войны, переведенная и на английский язык⁴. В этой книге Карлгрен лишь мельком коснулся шведско-советских отношений.

Общепринятая патриотическая концепция получила у шведов название “малодержавного реализма” (*småstatsrealismen*). Конечно, в условиях полной свободы пе-

Кан Александр Сергеевич – доктор исторических наук, заслуженный профессор.

¹ Первая в своем роде “История шведской внешней политики”, вышедшая в 1950-е годы на средства министра иностранных дел Швеции военного времени К. Гюнтера, заканчивалась довоенным 1939 г. Средства Гюнтера сложились из денежного дара, полученного им в 1944 г. от благодарных ему крупнейших фирм страны.

² См. *Ekman S. Sverige under andra världskriget. – Presentationen av ett forskningsprojekt, Historisk Tidskrift, Stockholm, 1970, № 3, s. 301–326.* См. также введение Экмана к посвященному Швеции выпуску журнала “*Revue d'histoire de la deuxième guerre mondiale*” (v. 109, janvier 1978).

³ Первая диссертация (кандидатская и не опубликованная) “Внешняя политика Швеции во второй мировой войне” (М., 1946) принадлежала советской исследовательнице Е.Н. Сегаль. При всей своей естественной в 1945 г. источниковой узости диссертация резко критиковала прогерманские уступки Швеции и невольно предвосхищала шведский историографический поворот, о котором идет речь в данном обзоре.

⁴ *Carlgren W.M. Svensk utrikespolitik 1939–1945. Stockholm, 1973; idem. Swedish Foreign Policy During the Second World War. London, 1977.*

чатного слова в Швеции даже в первые послевоенные десятилетия публиковались исследования и популярные очерки критического толка, в частности принадлежавшие перу крайне левых авторов, в том числе коммунистов, но эти публикации мало влияли на общественное мнение за пределами узкого круга единомышленников. Однако совокупность многих обстоятельств – конец “холодной войны” и спад западного антикоммунизма, нападки американских историков, особенно историков Холокоста (организованного нацистского истребления европейских евреев) на прогерманский крен шведского нейтралитета в 1930-х годах и в 1940–1942 гг., наконец, посвященная Холокосту первая международная конференция в рамках “Стокгольмского форума по предотвращению геноцида” (2000 г.) – привели к появлению исследовательского проекта 2001 г. “Швеция и нацистская Германия”. Новый проект, отчасти с тем же руководителями, что и SUAV, охвативший не только военные, но и предвоенные годы, щедро финансировался правительством, и его участники, опять-таки по преимуществу столичные историки, впервые получили широкий доступ к ранее секретным внешнеполитическим архивным материалам шведского госархива.

Способствовать выполнению проекта призвана была обращенная к международной общественности, коллективная обзорная книга “Отношения Швеции с нацизмом, нацистской Германией и Холокостом”⁵. Черно-белая обложка ее параллельного англоязычного издания воспроизводила унылое фото группы шведских нацистов 1936 г. в военизированной форме с нарукавной свастикой. Автор введения проф. С. Экман противопоставил прежней “реалистической” парадигме (т.е. системе взглядов, взятой за образец) новую – морально-идеологическую. Отныне Вторая мировая война рассматривалась как борьба между демократией и диктатурой, гуманизмом и варварством, добром и злом. Эта моральная позиция выдвигалась теперь как альтернатива правительственной политике нейтралитета, приспособления к нацизму (с. 12). Во введении критиковались проект SUAV, шведская литература предшествующих десятилетий, начиная с 1945 г., и заканчивалось оно анализом нашедшей брошюры “Честь и совесть” молодой журналистки М.-П. Бозциус, где автор учинила разнос официальной шведской политике военных лет⁶. В конце введения Экман писал: “Остается исследовать и ответить на вопрос, привели ли и, если да, то каким образом, опыт шведского народа и его знание о бедствиях войны к переменам и сдвигам в общественном мнении и оценках? Что мы знали о происходившем Холокосте?... Понимали ли мы в послевоенные годы, что Швеция имела прямое отношение к Холокосту и тоже несла за него ответственность?” (с. 30).

В сборнике шведские авторы рассматривали международную и шведскую литературу по следующим разделам: 1. Швеция и нацистская Германия; 2. Экономические отношения Швеции с нацистской Германией; 3. Швеция и нацизм (шведский и немецкий); 4. Швеция и Холокост на международном фоне; 5–6. Литература о взаимоотношениях Швеции с нацистской Германией, о демократии в борьбе с диктатурами; 7. Библиографический 100-страничный обзор к предшествующим разделам, составленный автором-американцем. Российская историография Второй мировой войны в нем почти не представлена.

Составители этого, по сути, еще и историографического сборника воздерживались от окончательных выводов. Иной характер носит вышедшая несколько лет спустя книга “Швеция и нацистская Германия. Вопросы вины и споры о морали”⁷. Она отразила новый взгляд большинства шведских историков – поколения “детей” – на политику

⁵ Sweden's Relations with Nazism, Nazi Germany and the Holocaust. A Survey of Research. Ed. by S. Ekman, K. Åmark. Stockholm, 2003, 370 p. (Stockholm Studies in History, № 66). Автор обзора пользовался английским вариантом книги. Постраничные ссылки на это издание даны в тексте.

⁶ Boethius M.-P. Heder och samvete. – Sverige och andra världskriget, PAN Norstedts, 1991, 159 s.

⁷ Sverige och Nazityskland. Skuldfrågor och moraldebatt. Red. M.A. Lars, M. Tydén. Stockholm, 2007, 421 s. Постраничные ссылки на это издание даны в тексте.

вымершего старшего поколения – ”отцов”. Автора этих строк книга заинтересовала не просто как историка-нордиста и участника Великой Отечественной войны, но и как автора докторской диссертации 1960-х годов по истории внешней политики скандинавских государств во время Второй мировой войны⁸.

Книга ”Швеция и нацистская Германия” открывается совместной статьей ее редакторов, докторов наук Л.М. Андерссона и М. Тюдена ”Историки и мораль” (с. 9 – 25), известных работами по истории шведского расизма и антисемитизма. Свою статью они начинают с того, что подчеркивают роль Холокоста в обращении историков Второй мировой войны к моральным вопросам прошлого века. Об этом сдвиге исторических интересов было заявлено на большой международной конференции, состоявшейся в Стокгольме в 1995 г. и посвященной опыту и урокам события уже полувековой давности. Результатом конференции стало упомянутое выше решение социал-демократического правительства страны финансировать исследования по истории Второй мировой войны с упором на тему ”Швеция и нацистская Германия” и создать особый центр (позже журнал) ”Форум живой истории”.

Пафос книги, пишут ее редакторы, состоит в обосновании и оправдании занятий историков ранее чуждыми им моральными вопросами, а также в правомерности самих моральных вопросов как особого предмета исторического исследования (с. 12 – 13). Конечно, у историков нет причин для отказа от профессионального стремления к объективности и от критики используемых источников. ”Одновременно мы должны учитывать, что историография есть часть современного разговора о человеке и условиях его существования, что разговор этот имеет, помимо прочего, моральное измерение. Как историкам, – пишут Андерссон и Тюден, – нам неизбежно придется участвовать в моральном и часто также в политическом обмене мнениями. Мы не изолированы в академическом вакууме и не находимся неким чудесным образом вне той истории, которую мы описываем” (с. 17).

Защитив право и долг историка не уклоняться от отчетливой нравственной оценки прошлого, они ставят вопрос, можно ли и нужно ли ”учиться у истории”, т.е. от исторических оценок переходят к урокам истории. Профессиональные историки XIX и XX вв., как известно, скептически относились к извлечению уроков из истории, к ”истории как учительнице жизни”. Исторические параллели, сравнения, в их глазах, всегда хромали, исторический опыт мало помогал при прогнозировании будущего, а стремление извлечь моральные уроки из прошлого вело к упрощениям. И все же, как ни противоречив исторический материал, неприемлема и такая историография, которая бы не рисовала Вторую мировую войну черно-белыми красками и не делила бы вовлеченных в нее на преступников и героев (с. 19). Исторiku нужны не простые уроки и поверхностные аналогии, но понимание, требующее ”беспристрастного сравнения множества возможных объяснений, признания в прошлом противоречий и парадоксов, способности понять рациональность былого” (с. 19). Но, несмотря ни на что, пишут редакторы книги, можно и нужно изучать шведские 1930-е и 1940-е годы именно с моральной точки зрения, извлекать из них уроки и говорить применительно к прошлому о ”верном” и ”ошибочном”. Пусть история не общедоступный учебник, но она дает нам знания. Участвуя в открытой и откровенной дискуссии по моральным проблемам, мы убеждаемся, что одни примеры пригодны нам, а другие не относятся к делу, к нашему времени, ибо связи и контексты теперь иные. Не следует бояться разумных параллелей между прошлым и настоящим, нравственной оценки прошлого, ведь в будущем и мы, и наши действия тоже будут судимы с нравственной точки зрения. Сознывая различия между нравами во времени и в пространстве, отмечают шведские историки, мы лучше постигаем зависимость нашей собственной морали от времени, в котором живем, от среды, нас окружающей, понимаем свои достоинства и промахи.

⁸ Кан А.С. Внешняя политика скандинавских стран в годы второй мировой войны. М., 1967.

Далее Андерссон и Тюден ставят вопрос о том, как выносить моральные оценки, не впадая в морализирование популяризаторов (с. 21). Исходная позиция, как и во всяком исследовании, должна быть открытой, считают они, чтобы с готовностью встретить неожиданное. Поскольку в истории добро и зло не встречаются в чистом виде, надо искать темное в светлом и свет во мраке, видеть обе стороны того или иного события, того или иного конфликта. Авторы советуют также избегать унифицирующих рубрик, вроде "шведы" и "Швеция". В годы войны шведы вообще не действовали как единое целое. Поэтому, пишут они, не следует распространять на всех шведов ответственность и вину за те или иные решения властей. Нужно отличать действия политиков разного уровня (хотя бы в отношении беженцев-иностранцев) от народа в целом, учитывать возможность выбора у таких категорий лиц, как, например, низшие чиновники, священники, врачи. В условиях Швеции их решения были в конечном счете сугубо личным делом (с. 23). Находя виновных за те или иные решения, надо помнить, что мы, историки, всегда знаем больше тех, кого изучаем. К примеру, хотя шведская иммиграционная политика 1930 – 1940-х годов подготавливала примирение шведского общества с ужасами Холокоста, решения шведских властей по ограничению въезда евреев принимались и выполнялись людьми, которые еще ничего не знали о Холокосте.

Вступительную статью редакторы заканчивают следующими верными словами: "Мы не считаем, что вся историография должна быть проникнута моральными соображениями. Мы полагаем, кроме того, что призывы "учиться у истории" должны восприниматься с известным скепсисом. Многое говорит за осторожность при подходе к оценкам прошлого. Но мы не уйдем от того, что история, как и современность, полна нравственных дилемм. Было бы странно, если бы историки оказались единственными, кто не пытается их разрешить" (с. 25).

Автор второй вступительной статьи "Шведские повествования о Второй мировой войне" докторант Эстлинг верно и сжато описал их вектор развития как переход от патриотизма к универсализму (с. 26–42), иначе говоря, как смену национального подхода интернациональным. Новую вспышку споров о Второй мировой войне в 1990-х годах он объясняет крушением восточно- и центральноевропейского коммунизма и общей сменой вех на европейском континенте с прекращением "холодной войны". Эти эпохальные перемены предвосхитил западногерманский "спор историков" середины 1980-х годов. Послевоенная односторонне патриотическая, националистическая историография Второй мировой войны – прославление "своих" патриотов, преувеличение массовости национальных движений Сопротивления – все меньше удовлетворяла новое поколение историков во Франции и Бенелюксе, в Дании и Западной Германии (с. 26). Постепенно патриотические рассказы стали блекнуть, уступая место универсальному повествованию, выдвигая на первый план морально-политических вопросов. История подвигов стала вытесняться историей страданий (с. 30). Отправным пунктом в новом подходе к давно прошедшей войне стал Холокост как крайнее проявление того ужасного, что случилось в минувшем столетии. Заметим, однако, что здесь шведский коллега забыл о кровавых межнациональных конфликтах 1990-х годов в Югославии.

Об историографической смене вех в самой Швеции мы уже говорили ранее. Шведы не были жертвами военных действий, и обе мировые войны не стали в Швеции частью народной памяти. Здесь не судили своих коллаборационистов, "пятую колонну". Здесь сложился и завладел умами светлый "автопортрет" – образ нейтральной и благополучной Швеции, патриотический "шведский рассказ". О моральных прегрешениях шведской внешней политики, особенно в отношении беженцев, вспоминали редко (с. 33–34).

Несмотря на преобладание "малодержавного реализма", в послевоенные годы публиковались и шведские "антирассказы", замечает Эстлинг, но они были редкими и невлиятельными. Их общей чертой было критическое отношение к шведской политике военных лет. Иногда морально-критический подход проникал на страницы документальных романов (В. Муберга, Э. Юнссона), в радио- и телепередачи (с. 35–37).

Национальное согласие в Швеции на платформе "малодержавного реализма" было всерьез поколеблено только с падением Берлинской стены и крушением Советского Союза, полагает Эстлинг. Отныне традиционные установки и весь ход мысли времен "холодной войны" начали утрачивать силу. Первый сильный удар по "малодержавному реализму" нанесла упоминавшаяся выше работа Бозциус "Честь и совесть" – своего рода обвинительный акт против шведской политики времен Второй мировой войны. Под влиянием Бозциус и наступившего в 1990-х годах нового этапа международных отношений шведские историки переключились на исследование довоенной политики Швеции, сотрудничества, в том числе отдельных ярких представителей шведской интеллигенции, например, киноактрисы Зары Леандер, с нацистской Германией, а при изучении военного времени – на замалчивание официальной Швецией уничтожения еврейского населения в подвластной Гитлеру части Европы (с. 38–39).

Остальные 16 статей сборника разделены на четыре раздела. Первый (с. 45–120) посвящен общей оценке шведского нейтралитета в войне и открывается статьей проф. К. Омарка о шведской демократии, нейтралитете и морали во время Второй мировой войны. Координатор исследовательской программы 2001 г. "Швеция и нацизм" Омарк начинает с того, о чем умалчивал Карлгрен в своей книге 1973 г.: "Моральная проблема нейтралитета проистекает из того факта, что Швеция была кровно заинтересована в том, кто победит в великой борьбе. От того, кто победит, зависело ее будущее" (с. 45). Но именно это и делало шведский нейтралитет морально сомнительным, уязвимым: "Нейтрал предоставляет другим вести борьбу за общее дело... Если нейтралитет достигается крупными уступками общему противнику, то тем хуже – нейтральное государство помогает той стороне, которая является общим врагом" (с. 46). Спор, по Омарку, шел и идет до сих пор об оценке уступок шведского правительства нацистской Германии.

Главный из таких спорных вопросов касается транзита немецких военных лиц по шведским железным дорогам, в шведских вагонах в Норвегию и Финляндию (с. 47 – 48). По мнению Омарка, этот массовый трехлетний транзит грубо нарушал шведский нейтралитет, однако военное его значение преувеличено. Ни крупные оккупационные силы вермахта, ни германское военное строительство в Норвегии с использованием советских военнопленных также не сыграли значительной роли в немецком ведении войны. Более важным, чем из Норвегии и обратно, хотя и меньшим по количеству, был немецкий военный транзит в Финляндию.

В моральных категориях надо теперь оценивать и шведскую торговую политику военных лет, считает Омарк, поставки стратегических товаров рейху (с. 48 – 51). Не нарушавшие правил нейтралитета, эти поставки имели для гитлеровского ведения войны гораздо большее значение, чем пресловутый воинский транзит. Для Швеции же экспорт в Германию и зависимые от нее страны был единственно возможным способом обеспечить бесперебойный немецкий импорт (каменного угля, кокса, удобрений), т.е. снабдить товарами своих граждан и поддержать необходимый уровень производства. Импорт из рейха предотвращал радикализацию шведского рабочего класса, повторение революционной ситуации 1917 г. Он прекратился по шведской инициативе только осенью 1944 г., т.е. на год с лишним позже, чем воинский транзит, прекращенный шведами в августе 1943 г. под сильным нажимом западных держав.

Постоянным источником германских нареканий и протестов была шведская пресса военных лет. Нацистов возмущала степень свободы, т.е. демократизма, в Швеции, окруженной вермахтом и его финским союзником (с. 52–55), и это при том, что власти Швеции строго следили за внешнеполитическими полосами шведских газет, а также за международной почтой, телеграфом и телефоном. Дискриминируя и преследуя шведских левых во главе с коммунистами, справедливо утверждает Омарк, власти пеклись не столько о сохранении мира для Швеции, сколько о поддержании добрых отношений с нацистской Германией.

В плане моральном крайне уязвимыми являлись иммиграционная политика и отношение части шведской общественности к беженцам в течение всего существования

нацистского режима (с. 55–61). Главные преступления против евреев – эмигрантов из “третьего рейха” – были на совести шведских социал-демократических министров довоенной поры, считает Омарк (социал-демократ!). Их политика, правда, сильно изменилась в ходе войны – от ограничений и явной враждебности, особенно в предвоенные 1938–1939 гг., когда в Швеции все громче звучали антисемитские голоса, ко все большей благожелательности во второй половине войны (воплощенной прежде всего в действиях дипломата Р. Валленберга, секретаря шведской миссии в Венгрии). Шведская многолетняя позиция пассивных наблюдателей за нацистским государственным антисемитизмом, по справедливому мнению Омарка, была морально предосудительной. Ведь с осени 1942 г., после облавы на норвежских евреев и бегства половины из них через открытую границу в Швецию, шведы знали о Холокосте. Уместными в таких условиях могли бы стать негласные дипломатические и публичные протесты против Холокоста, тщательно скрывавшегося гитлеровскими властями. Омарк считает, что такие запоздалые дипломатические протесты были бы малодейственными, а спасательные акции с лета 1941 г. – уже крайне затруднительными. Ни того, ни другого, тем не менее, так и не последовало.

Три следующие статьи в том же общем первом разделе книги написаны с разных позиций. Университетские преподаватели С. Уредссон и Г. Рикардсон развивают и конкретизируют общие соображения Омарка, а военный историк, профессор Высшей военной школы в Стокгольме К. Зеттерберг, напротив, запальчиво защищает шведскую политику стратегии “выживания” в годы Второй мировой войны.

Самым уязвимым местом шведской политики в отношении нацистской Германии шведские историки критического толка считают политику в отношении беженцев и Холокоста. Этот вопрос выделен в особый (второй) раздел, самый крупный в книге (с. 121–229). Среди пяти его статей первая, с жестким заглавием “Не вмешиваться. Шведская моральная вина за Холокост” принадлежит М. Тюдену (с. 123–147). Вплоть до конца 1941 г. шведские власти систематически выбраковывали еврейских беженцев, наивно предложив немецким властям пометать их паспорта латинской буквой “J” (от “Jude”), в отличие от политэмигрантов, особенно социал-демократов, которым отдавали предпочтение. В течение долгого времени Швеция, как и многие другие страны (включая, кстати, и СССР до нападения на него Гитлера), обходилась с Германией как в целом с респектабельным, нормальным членом международного сообщества. Тюден в своей критике идет, однако, дальше. Швеция, пишет он, принадлежала к тому кругу стран, которые в конце XIX и в начале XX в. способствовали распространению расистского и антисемитского менталитета, что впоследствии облегчило шведским властям стыдливое умолчание о Холокосте (с. 125).

Однако, отмечает он, существуют отдельные аспекты, частично реабилитирующие Швецию. Это – плохая осведомленность шведов до войны о зарубежных событиях и порядках, антинацистские высказывания в шведской печати еще с довоенных времен, заступничество частных лиц и общественных организаций за евреев-беженцев, стесненное положение страны, фактически окруженной Гитлером с апреля 1940 г. Свою статью Тюден заканчивает, подобно Омарку, экскурсом в современность: “Когда теперь случаются насильственные действия (в отношении мирного населения. – А.К.), то немислимо, чтобы международное сообщество не отреагировало на них, будь то в форме осуждения, бойкота или военного вмешательства, например, по линии ООН” (с. 147).

Третий раздел книги “Торговля, экономика и мораль” (с. 257–277) открывается обзорной статьей гётеборгского историка М. Фритса, ведущего шведского специалиста по экономическим отношениям с нацистской Германией. В начале статьи он напоминает о том, что в международном праве не прописаны требования и нормы “экономического нейтралитета”. Швеция сумела выговорить себе более выгодные условия цен и кредита, чем, например, нейтральная Швейцария. В итоге Фритс, подобно Сеттербергу, солидаризируется с апологетами шведской политики времен Второй мировой войны. Принципы шведской внешнеторговой политики были верны, пишет он, прискорбны лишь отступления от них (с. 266–277).

Ближе к основной, моральной, теме сборника статья другого историка-экономиста С. Нурдлунда (университет Умео), посвященная реакциям на немецкие требования "аризации" шведских предприятий до и во время Второй мировой войны. Нацистские органы регистрировали и следили за шведскими предприятиями с еврейскими собственниками, а также за интересами капиталистов-евреев на мировом рынке. Немецкий нажим на шведов в смысле "аризации" их предприятий в сочетании с политикой по отношению к беженцам и антисемитизмом больше всего угнетал шведских евреев и внушал им, как, например, знаменитому историку-экономисту Э. Хекшеру⁹, мысль о самоубийстве (с. 300). По мнению Нурдлунда, еще довоенные шведские уступки нацистским требованиям "аризации" наряду с противодействием шведских властей еврейской иммиграции были аморальными. Ни правительство, ни частный сектор не дали отпора немецкому расистскому нажиму, "предпочитая уступать и молчать"¹⁰.

Экономический раздел заканчивается статьей молодого докторанта синдикалиста М. Эствалля, озаглавленной вопросом "Один народ, одно государство, одно воззрение?" (с. 307–323). Он всячески, и не без оснований, подчеркивает уже отмеченные другими авторами внутренние конфликты, присущие шведскому обществу военной поры. Мнимое единодушие шведов было лишь наименьшим общим знаменателем для несогласных между собой общественно-политических сил, считает Эствалль.

Четвертый, заключительный раздел книги (с. 327–391) озаглавлен также вопросом "Судить ли прошлое задним числом?". Три первые статьи раздела написаны эмоциональным женским пером. Они заостряют вступительные тезисы редакции и принадлежат упоминавшейся выше М.-П. Боэциус, журналистке Б. Эберан (с немецким мужем и немецкими интересами) и авторитетной преподавательнице немецкого языка и литературы проф. Б. Альгмрен. Последняя рисует непривлекательную картину многостороннего сотрудничества и даже дружбы шведских гуманитариев с верноподданymi филологами нацистской Германии в довоенные и военные годы, скрытую и открытую дискриминацию немецких иммигрантов-евреев, вплоть до их вытеснения из шведских университетов, и постоянный надзор нацистских ведомств и отдельных лиц, принятых на шведскую службу, за политическим поведением наиболее принципиальных и самостоятельных шведских ученых, таких, например, как знаменитые братья-историки Лауритс и Курт Вейбулли (с. 359–360).

Наиболее непримиримую позицию в отношении шведского приспособленчества и поддержки преступного гитлеровского режима занимает Боэциус. Концовка ее статьи звучит как прямой вызов поборникам-"малодержавного реализма" военных лет: "Нам надо было продумать стратегию, дабы экспортировать как можно меньше железной руды и шарикоподшипников в Германию, а не поступать наоборот. Нам следовало отклонить требование о транзите (немецких солдат. – А.К.) в Норвегию, транзите пресловутой дивизии Энгельбрехта. И главное – когда мы узнали в 1942 г., что происходит с евреями в концлагерях, мы должны были заявить об этом во всеуслышание на весь мир, чего бы это ни стоило... И даже если бы разоблачение концлагерей и уничтожения евреев вело к войне, то, я считаю, нам следовало избрать войну. За это стоило умереть" (с. 335).

В последней статье сборника "История как суд и стремление к исторической справедливости" (с. 365–391) обсуждается, как свидетельствует ее заглавие, главный вопрос всей книги. Ее автор, историк М. Виклунд (Лунд) вместе с большей частью других авторов сборника справедливо отвергает отстраненный, объективистский, безоценочный, нейтралистский подход к историческому прошлому: между историей как наукой и историей как судилищем нет пропасти, а напротив, множество параллелей (хотя,

⁹ Ср. Кан А.С. Эли Ф. Хекшер как историк. – Скандинавский сборник, Таллин, 1959, № 4, с. 221–236.

¹⁰ Заглавие статьи Нурдлунда "Молчит ли шведский тигр?" использует игру слов: "тигр" по-шведски означает и существительное "тигр" (tiger), и глагол "молчит" (tiger).

разумеется, нет и полного сходства). Тут невольно вспоминаются слова Гегеля о всемирной истории как всемирном суде, повторенные в последнем слове Н. Бухарина на московском процессе 1938 г.¹¹ Публичную дискуссию о прошлом, считает Виклунд, можно рассматривать и как исторический суд, имеющий моральную или идейно-политическую окраску. Объективизму, вопреки известному утверждению Ранке, не место на суде истории. Историческая наука не должна ограничиваться описанием и объяснением былых явлений и процессов. Принимая во внимание потребность общества в обсуждении и проработке оценочных вопросов истории, иррационален не поиск исторических оценок, а безоценочный объективистский идеал. Беспристрастность историка – это беспристрастность судьи, а не естествоиспытателя. Историческая реконструкция нацелена на вынесение справедливого приговора (с. 372). Она неотделима от оценки, изначально переплетена с ней. Было бы ошибкой сначала произвести объективную, безоценочную историческую реконструкцию, а затем предоставить читателям, публике судить о ней. И в суде, и в истории истина выявляется не ради себя самой, а во имя справедливости.

Виклунд отвергает объективистское представление, будто в истории речь идет о прошлом как таковом. Исходя из современной герменевтики (Гадамер, Рикер), главным вопросом истории является “не только то, что действительно случилось, но прежде всего анализ того, что представляет собой данное явление истории, тот или иной исторический феномен, каким оно видится своему истолкователю и его аудитории и как следует к этому относиться” (с. 383). Отдаленность прошлого не помеха для исторического понимания, напротив, дистанция расширяет горизонт исследователя, позволяет ему сравнить изучаемую культуру и ее идеалы с иными культурами и воззрениями. Тем самым исследователь прошлого преодолевает ограниченность изучаемых им исторических деятелей и эпох, да и свои собственные нормы (с. 384).

Историческая реконструкция, история, продолжает Виклунд, как никакая другая наука, требует открытой дискуссии с участием многих сторон. Отсюда – нередкое желание и даже требование участников исторических дискуссий по крупным общественно значимым вопросам создать государственную комиссию или комиссии для установления истины. По мнению Виклунда, подобные комиссии, в лучшем случае, могут быть вкладом в дискуссию, но не правомочной инстанцией для решения исторических споров о толковании тех или иных текстов. (Это важно уяснить, по нашему мнению, и российской общественности.) Исторические споры не могут быть решены судебными процессами. Судебные инстанции правомочны лишь устанавливать степень уголовной ответственности отдельных деятелей или организаций. Роль историка в подобных случаях – это роль свидетеля. Своими познаниями, на основе собственного исследования он может способствовать более справедливому историческому заключению.

Своих соотечественников Виклунд призывает не ограничиваться обсуждением требований о возмещении убытков, об установлении факта преступления, его виновников и жертв, о реабилитации жертв или извинении перед ними. Эти правомерные вопросы важнее всего для тех, кого они затронули напрямую, однако не должны оставаться в тени и более крупные проблемы для всего шведского общества, а именно: самосознание шведов, политика нейтралитета, расизм в Швеции, послевоенное государство благополучия и шведская демократия вообще (с. 391).

Таким образом, за последние два десятилетия шведская историческая общественность подвергла самокритичной моральной переоценке политику своих былых государственных деятелей. Представленная в обзоре шведская дискуссия является составной частью, разумеется, не главной, но показательной, международной дискуссии о моральных аспектах Второй мировой войны. Если бы шведы знали поэзию Пушкина, то многие из них могли бы сказать о своих политиках военных лет: “И с отвращением читая жизнь мою, я трепещу и проклинаю и тихо жалеюсь и горько слезы лью, но

¹¹ Ср. *Kan A. Nikolaj Bucharin und die skandinavische Arbeiterbewegung*. Mainz, 1993.

строк постыдных не смываю”. Что касается России, то ”постыдные строки” ее истории, названные впервые Н.С. Хрущевым, а затем – ее ныне здравствующими руководителями, смыты, по мнению автора этого обзора, беспримерными жертвами народов СССР во имя Великой Победы. Решающий вклад Советского Союза в дело разгрома фашистской Германии общепризнан, в том числе и в Швеции.

Возвращаясь к шведской дискуссии, заметим, однако, что не со всяким самобичеванием можно согласиться. Еще советские историки Е.М. Самотейкин, В.Я. Сиполс, В.В. Похлебкин и Г.Н. Фарафонов убедительно показали отрицательную роль предвоенного скандинавского пассивного нейтралитета, отказа от применения санкций против держав “оси” – разновидности пресловутого умиротворения агрессоров, политики свертывания санкций. Морального осуждения заслуживает и шведское безразличие к участи родственных норвежцев и датчан весной 1940 г., особенно по контрасту со шведской военно-материальной помощью финнам в войне против СССР. Однако нападки шведских авторов сборника на шведские уступки и поблажки Гитлеру после эвакуации западных союзников из Норвегии и тем более после поражения Франции слишком категоричны, если учесть отчаянное положение Швеции, окруженной победоносным тогда рейхом и лишенной собственного минерального топлива. Нелепо задним числом возмущаться политикой правительства Ханссона – Гюнтера, против которой до перелома в войне не протестовал даже СССР. Думается, что тут правы историки старшего поколения, современники и солдаты шведской армии военных лет.

Далеко не все вопросы истории Второй мировой войны нашли отражение на страницах сборника. В частности, шведскими историками не изучены в полной мере архивные материалы 1930–1940-х годов о советско-шведских отношениях¹².

Шведские споры об отношениях Швеции с нацистской Германией, посвященные болезненной теме общественного сознания – моральной ответственности держав накануне и в годы Второй мировой войны, – поднимают вопросы отнюдь не одной только шведской истории и заслуживают пристального внимания научного сообщества.

¹² Ср. Кен О., Рупасов А., Сауэльсон Л. Швеция в политике Москвы 1930–1950-е годы. М., 2005. (Рец. на кн. см. Новая и новейшая история, 2006, № 3, с. 243–245).